

Кто, наставляемый на путь любви, будет в правильном порядке созерцать прекрасное, тот, достигнув конца этого пути, вдруг увидит нечто удивительно прекрасное по природе, то самое, Сократ, ради чего и были предприняты все предшествующие труды, — нечто, во-первых, вечное, то есть не знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения, а во-вторых, не в чем-то прекрасное, а в чем-то безобразное, не когда-то, где-то, для кого-то и сравнительно с чем-то прекрасное, а в другое время, в другом месте, для другого и сравнительно с другим безобразное. Прекрасное это предстанет ему не в виде какого-либо лица, рук или иной части тела, не в виде какой-то речи или знания, не в чем-то другом, будь то животное, земля, небо или еще что-нибудь, а само по себе, всегда в самом себе единообразное; все же другие разновидности прекрасного причастны к нему таким образом, что они возникают и гибнут, а его не становится ни больше, ни меньше, и никаких воздействий оно не испытывает. И тот, кто благодаря правильной любви поднялся над отдельными разновидностями прекрасного и начал постигать само прекрасное, тот, пожалуй, почти у цели.

Платон. Пир

Глава 1

ТРИНАДЦАТЫЙ ЛИШНИЙ

Кушай-кушай, Федора Егоровна!

*К. И. Чуковский.
«Федорино горе»*

Случаются вечера сонные, спокойные, которые мягко, без всплеска, без сопротивления, как перезрелый плод падают в ночь. Бывают и другие вечера — буйные, напористые, когда даже тихие люди без повода срываются на крик, а в каждой третьей квартире всхлипывают форточки и грохают двери. И сложно сказать, в чем тут дело — в полнолунии, в атмосферном давлении, в положении звезд или в чем-то более глобальном, темном, что, скромно прячась за кулисами, пытается управлять всеми и вся.

Дмитрий Емец

Наконец, выдаются вечера и третьего рода — внешне меланхоличные, тягучие, но скрыто напряженные, балансирующие на грани безумия. В такие вечера прыгают с балконов, рыдают в голос, кусают подушки, делают предложение о вступлении в брак или пишут поэмы.

Вечер, в который возобновляется наш рассказ, был именно такого третьего рода.

Некий ранее не упоминавшийся суккуб русского отдела Мрака Маракаратма, в облике стервозной шатенки с психологического факультета МГУ умыкнувший первый в жизни эйдос, на радостях гулял всю ночь. Он плакал, смеялся, глушил бокалами эйфорию, лез целоваться к сотрудникам правоохранительных органов, передразнивал Лигула и под утро был унесен в Тартар специально присланным за ним стражем. Больше о суккубе Маракаратме в Верхнем Мире никто не слышал.

Тухломон, за день принесший Мраку четыре эйдоса, буднично зевнул, прилепил отклеившееся ухо и скромно улегся спать в выхлопной трубе автомобиля. Он надеялся, что за те две секунды, что он позволит себе отдохнуть, автомобиль не успеет завестись и уехать. И надежды его оправдались.

Улита сидела в резиденции Мрака за столом, который днем был завален бумагами и заляпан капавшей с печати кровью, и пожирала холод-

ную курятину. Глаза ее светились в темноте, как у кошки. Что творилось у ведьмы внутри и о чем она думала, науке неизвестно, но курицу Улита раздирала решительно, почти с ненавистью.

На кожаном диване, поджав под себя ноги, сидел Петруччо Чимоданов, пахнувший кислой капустой и дорогим дезодорантом. Улита давно уже ничему не удивлялась. Можно быть чистюлей в одном и грязнулей во всем остальном. Например, два раза в день мыть голову и не менять носки по три недели.

Чимоданов был занят. Он расковыривал охотничьим ножом патрон двадцатого калибра. Он высыпал отдельно дробь, отдельно порох и отдельно отложил капсуль. Лицо у него при этом было приятно созерцательное. Глаза блестели как у питекантропа, которому вместо камней предложили забросать мамонта ручными гранатами.

— Знаешь, что будет, если поджечь порох? — спросил он ведьму, задумчиво прокручивая колесико зажигалки.

— На одного дурака меньше, — понадеялась Улита.

— Неверно! Подчеркиваю: порох взрывается только в замкнутом пространстве. А так он просто сгорает, хотя и ярко, но без последствий, — нравоучительно сказал Чимоданов.

Он ссыпал порох в столовую ложку, поднес за-

Дмитрий Емец

жигалку и ойкнул, когда всплеснувшее белое пламя обожгло ему кончик носа. Дальше этого дело не пошло. Порох действительно не взорвался.

— Н-но! Без фокусов! Помни, кто я и кто ты! — укоризненно сказал ложке Чимоданов.

Ложка осознала свое ничтожество и промолчала. Петруччо подул на нее и встал:

— Ну я пошел!

— Куда? — лениво поинтересовалась Улита.

— Хочу попытаться выплавить свинец, — пояснил Чимоданов и, мечтательно улыбаясь, уединился с дробью.

За Петруччо, прихрамывая, бежал Зудука с капсюлем. Оба — и Зудука, и его хозяин — выглядели довольными. Они существовали в мире заданных координат, где все было расписано заранее, все расставлено по полочкам. И в этой заданности было величайшее успокоение.

— Сил моих нет! Я кипю, бесуюсь и туплею! Если Эссиорх не вернется в самое ближайшее время, я кого-нибудь съем! — ни к кому не обращаясь, вполголоса сказала Улита.

Пытаясь избавиться от назойливых мыслей, ведьма потрясла головой и с недоумением уставилась на обглоданную куриную ножку, не понимая, откуда она взялась у нее в руке.

— Человек не должен ни к чему привязываться. Он должен любить, бешено любить, всей

душой, но не привязываться. Ты поняла это, дура? — сказала Улита не то куриной кости, не то кому-то еще.

Здесь же, неподалеку, Мошкин сотворил ледяную розу и окутал ее пламенем. Пламя плясало на четких гранях цветка, который, хотя и истекал слезами, мистическим образом не таял. Мошкин смотрел на розу, и в душе у него что-то болезненно перекручивалось, будто душа была мокрым полотенцем, а он отжимал ее руками. Евгеша был юн, красив, силен, но сомневался в себе, как сомневается в выигрыше неопытный игрок в двадцать одно, которому разом пришли три семерки.

Ната стояла перед зеркалом, серебряная рама которого закручивалась в форме двух бодающихся козлов. Из стеклянных глубин на нее печально взирали три белых офицера, некогда застрелившихся перед этим зеркалом из одного револьвера, который валялся здесь же, у их ног. Вихрова злилась и шипела на офицеров, чтобы они не маячили. У нее уже второй день чесался подбородок, и она хотела понять, не вскочило ли на нем что-нибудь.

Однако офицеры не уходили. Один — совсем молоденький подпоручик с запекшейся на виске кровавой запятой — подавал Натe умоляющие знаки, точно пытаясь сообщить ей нечто важное. Остальные двое не двигались и только смотрели.

Дмитрий Емец

Однако Вихрова была не расположена беседовать с неприкаянными духами.

— Ну разве я не хороша? — спросила она у самой себя и сама себе ответила: — Да, будем откровенны: внешность заурядная. Но что это меняет? Всякой женщине нужна прежде всего норка, все, что в норке, и хотя бы немного личного счастья... Не так ли? Допустим, даже не так, но опять же: что это меняет?

Ната пристально всмотрелась в зеркало и, поморщившись, подозвала Мошкина:

— Эй! Поди сюда! У меня есть что-нибудь на подбородке?

Евгеша послушно подошел и посмотрел глазами раненой лани. Он давно пережил свою любовь к Нате, однако старая любовь, пусть даже угасшая, все равно отдается тупой и мучительной болью.

— Да, есть, — сказал он, вглядываясь в круглый кошачий подбородок Вихровой.

Ната досадливо поморщилась. Ее подвижное лицо пошло мимическими морщинами — странными, несимметричными, но бесконечно привлекательными. Взгляд Мошкина застревал в них как в паутине. Евгеша силой заставил себя зажмуриться. Да, кобра не умрет от укуса кобры, магия не подействует на того, кто родился с Вихровой в

один день, но все же несколько мучительных ночей обеспечено.

— Сама чувствую, что есть. Конкретнее, Евгений! Конкретнее! Опиши, что ты видишь! — нетерпеливо потребовала Вихрова.

— Красное пятно! — сказал Евгеша, осторожно, как больная сова, приоткрывая один глаз.

— Большое?

— Примерно с десятикопеечную монету. А большое или нет — не знаю, — сказал Мошкин, привычно обходя конкретные суждения.

Ната с ненавистью поскребла подбородок.

— Вот и я его вижу. Второй день уже чешу. Что это такое может быть, а? Не знаешь?

Но Мошкин знал только, что это красная точка.

* * *

В тот же вечер Ирка сидела в «Приюте валькирий», слушала, как дождь скребет мокрым ногтем по крыше, и разглядывала старые фотографии. Гора Ай-Петри на крымском снимке показалась ей прилипшей крошкой хлеба, и она машинально подула, пытаясь ее убрать. Зрение у Ирки было неважное, сточенное ночным чтением с монитора. Лишь когда в руке у нее появлялось копьё и она без остатка становилась валькирией, зрение обострялось до невероятных пределов. Но это было уже другое зрение.

Дмитрий Емец

Антигон без дела шатался по «Приюту валькирий», заглядывал в пустые чашки, топал по половицам, тревожа мышей, и громко распевал.

— Ты не мог бы культурно заглохнуть? — попросила Ирка.

Голос у Антигона был ужасный и напоминал скрип тележного колеса.

— Это моя любимая песенка! Мне пела ее мама! — обиделся Антигон. — Золотые были времена! Она пела, а я слушал! Лежал на траве, высывал язык, ждал, пока на него сядет бабочка, и... ам! Или другой вариант: прицеливаешься — и...

Перед глазами у Ирки мелькнул длинный, липкий язык.

— Мимо! А ведь когда-то получалось! — разочарованно сказал Антигон, провожая глазами улетающую муху.

Внезапно люк «Приюта валькирий» с хлопком откинулся, и в него просунулась незнакомая физиономия. Большое, обветренное, довольно плоское лицо. Светлый ежик волос, таких густых, коротких и жестких, что их с ходу можно было пускать на зубные щетки. На могучих скулах играл румянец свекольной яркости.

— Ты кто? — спросила Ирка, но еще прежде, чем получила ответ, по румянцу узнала оруженосца Хаары.

— Привет! Хозяйка приглашает вас на день рождения! — сообщил оруженосец.

Его круглая голова торчала из люка, как арбуз на грядке.

Ирка изумилась, точно забитый мешковатый троечник, которого приглашает в гости самая популярная в классе девчонка и он пугается, не зная, чем объяснить эту внезапную милость. Кого в гости — меня?! А сознание уже подозрительно щелкает на счетах, перебирая варианты. Может, подвох? Может, некому подсунуть на стул сковородку с яичницей? Или дадут левый адрес и после звонка из однушки в панельном доме навстречу ему вылетит рой из семидесяти сердитых корейцев, последователей Джеки Чана?

— Я же валькирия-одиночка! — осторожно напомнила Ирка.

— Да хоть водолаз! Мне сказано: зови в гости. Вот я и зову! — непреклонно заявил оруженосец.

Ирка подозрительно уставилась на посланца Хаары, однако тот только скалился и молчал. Зубы у него были белые, крупные.

— Когда? — спросила Ирка.

Ответ удивил ее еще больше:

— Да прямо сейчас. Все уже собрались. Идемте, я покажу дорогу! — И торчащая из пола голова куда-то укатилась.

«Ну раз все, тогда понятно! Значит, меня за

